

«ИЗЫСКАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТИЛЬ ВСЕГДА ГАРАНТИРУЕТ АВТОРУ БЕССМЕРТИЕ»

БЕСЕДА С ИСТОРИКОМ КАРОЛИНОЙ АРМЕНТЕРОС

*преподаватель, сотрудник Института передовых исследований социальных наук
и Папского католического университета в Санто Доминго (Доминиканская Республика)*

Каролина Арментерос — историк, автор и соавтор нескольких книг, посвященных Жозефу де Местру, среди которых немало известность приобрела ее относительно недавняя монография «Французская идея истории: Жозеф де Местр и его преемники, 1794–1854» (The French Idea of History: Joseph de Maistre and His Heirs, 1794–1854, Ithaca: Cornell University Press, 2011), а также сборник эссе в совместной редакции с одним из наиболее авторитетных европейских исследователей творчества де Местра Ричардом Лебрёном «Жозеф де Местр и его европейские читатели: от Фридриха фон Генца до Исаяи Берлина» (Joseph De Maistre and His European Readers: From Friedrich Von Gentz to Isaiah Berlin. Leiden; Boston: Brill, 2011). В своих работах Арментерос пытается доказать, что де Местр в своем видении истории во многом исходит из философии Просвещения и, в частности, из концепции вроде бы во всем ему противоположного по духу Жан-Жака Руссо, как в свою очередь прогрессизм, социализм и позитивизм XIX в. во многом обязаны идеям автора «Санкт-Петербургских вечеров». Возражая Исаяе Берлину, Арментерос утверждает, что де Местр являлся не столько врагом Просвещения, сколько сторонником религиозного, христианского

Просвещения, и что он был не противником свободы, как его часто изображают критики, но сторонником ее консервативного понимания. Значительное место в исследованиях Арментерос последнего времени занимает изучение русского контекста его творчества, который ученый считает принципиально важным для понимания политического мировоззрения де Местра.

В прошлом Каролина Арментерос — преподаватель Американского университета в Париже и университета Новая Сорбонна, в настоящий момент она работает в Институте передовых исследований социальных наук и в Папском католическом университете в Санто Доминго (Доминиканская Республика).

НЕТ ДРУГОГО ТАКОГО АВТОРА, КОТОРЫЙ СРАВНИЛСЯ БЫ С МЕСТРОМ ПО ВАЖНОСТИ И ВКЛАДУ В НАШЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИКИ И АНТРОПОЛОГИИ РЕЛИГИИ

— Насколько, на Ваш взгляд, де Местр востребован современной философской традицией Франции и Европы в целом? Или его наследие интересно в основном лишь для историков, но не имеет никакого актуального звучания?

В рамках европейской философской традиции Местру приписываются три общепринятые роли.

Во-первых, он считается основателем французского консерватизма, в связи с чем его часто называют «французским Эдмундом Бёрком».

Во-вторых, он является родоначальником политического ультрамонтанства — это человек, который сделал Папу модным во Франции в начале XIX в., запустив, таким образом, цепочку событий, которая привела к принятию догмата о папской непогрешимости в 1870 г.

В-третьих, он был основным предшественником социологии: он написал первый трактат на тему социологии насилия, первые тексты на тему социологии религии. Недаром мыслитель, которого считают основателем социологии,— Огюст Конт — называл де Местра автором, оказавшим на него сильнейшее влияние.

В каком-то смысле работы Местра закладывают основы для понимания не только национальной идентичности Франции, но и того, чем стала западная цивилизация после Французской революции. Нет другого такого автора, который сравнился бы с Местром по важности и вкладу в наше понимание политики и антропологии религии. Однако он был списан со счетов, осмеян, демонизирован и, самое страшное, забыт на протяжении XIX в., особенно в эпоху Третьей республики (1870–1940) во Франции. В результате сегодня его плохо знают и мало читают, хотя должно было быть наоборот.

Вместе с тем, его работы продолжают переиздаваться и переводиться, и в 2009 г. в Москве состоялась конференция, на которой как раз обсуждалась тема актуальности наследия де Местра и его работ. Французские и российские ученые представляли свои исследования, посвященные пессимизму де Местра, его теории насилия и жертвы, его взгляду на современность и светскость — всё это извечные темы, которые до сих пор вызывают оживленные дебаты. На этой конференции я рассматривала американское вторжение в Ирак и называла причины, по которым Местр был бы против этого.

Однако совершенно точно, что его будут продолжать читать. Не только из-за его идей, но также потому что он является одним из величайших стилистов, когда либо писавших на французском языке. И это утверждают не только историки, вроде меня или литераторы старой школы, такие как Эмиль Сиоран, но и самые влиятельные современные литературные критики Франции, такие как Филипп Соллерс (Philippe Sollers), который назвал Местра «изумительным» автором.

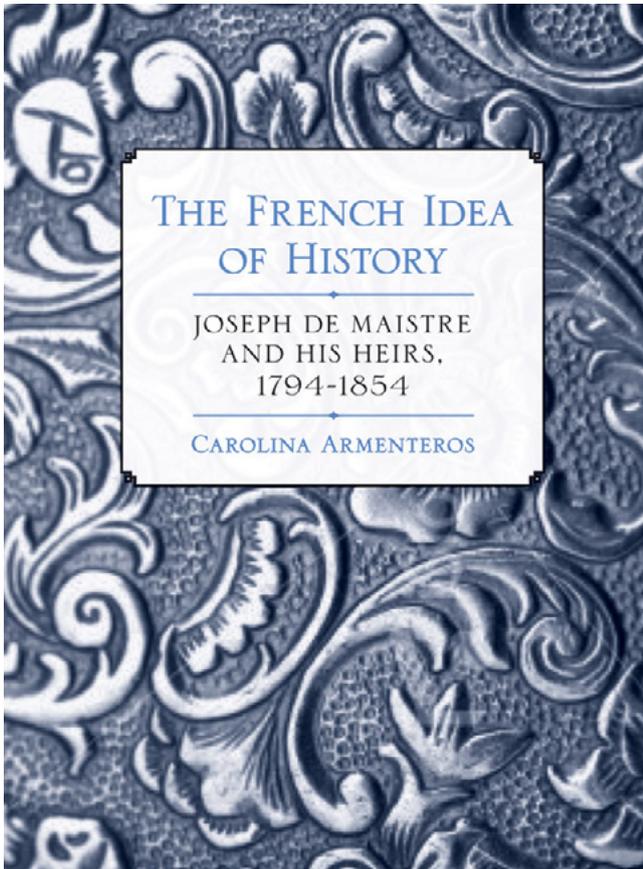
Изысканный литературный стиль всегда гарантирует автору бессмертие. Вам может нравиться или не нравиться Местр, он может вас вдохновить или, наоборот, шокировать и оскорбить. Это не имеет значения, ведь вы будете продолжать читать, потому что его слог захватит вас.

— *Считаете ли Вы адекватным для описания существующей реальности термин «постсекуляризм», и в какой мере этот постсекуляризм может быть связан с возрождением интереса к консервативной мысли?*

— Я не уверена, что «постсекуляризм» является самым лучшим термином для описания нашего времени. Я вижу явные признаки возврата к религиозности и наблюдаю переосмысление религиозной традиции, чего не было во второй половине XX в. Но я также вижу, что религиозные движения и светские правительства сталкиваются друг с другом с большим ожесточением. Я имею в виду здесь не только радикальный исламский терроризм, но также и дебаты на тему аборт, гей-браков, свободы вероисповедания, которые расшатали отношения между государством и религиозными группами при администрации Обамы. Эти столкновения вовсе не ослабили секуляризм — наоборот, они усилили его. Надо отметить, что эти тенденции наблюдаются не столько в широких массах населения, сколько среди политических и интеллектуальных элит.

Одновременно, как вы правильно отметили, наблюдается подъем консерватизма. Возможно, его наиболее привлекательной чертой сегодня является анти-утопизм, его реалистическая убежденность в том, что мир надо воспринимать таким, какой он есть. Эта установка представляется ценной не только в свете недавнего финансового кризиса, но и при подведении итогов последних 500 лет. Проект Модерна был по сути утопией. Он был построен на утверждении, что если мы сумеем разрешить материальные проблемы с помощью нужных навыков и будем делать это систематически, то достигнем максимального уровня благосостояния для всего человечества. Сегодня мы все прекрасно знаем, что случилось с этой мечтой, когда ее пустили по трубам фашизма и тоталитаризма. Сегодня богатые страны достигли более высокого уровня благосостояния, но в этих же самых странах (в первую очередь, в США)

**НАБЛЮДАЕТСЯ ПОДЪЕМ
КОНСЕРВАТИЗМА.
ЕГО НАИБОЛЕЕ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ
ЧЕРТОЙ СЕГОДНЯ
ЯВЛЯЕТСЯ АНТИ-
УТОПИЗМ, ЕГО
РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ
УБЕЖДЕННОСТЬ
В ТОМ, ЧТО МИР НАДО
ВОСПРИНИМАТЬ ТАКИМ,
КАКОЙ ОН ЕСТЬ**

предельно высок масштаб распространения психических расстройств. Проект Модерна сработал совсем не так, как предполагалось.

И именно здесь консервативная критика современности и относительная симпатия консерватизма к религии приобретают особое значение. Религия — это дешевая и эффективная психология для масс: не случайно религиозные люди, как правило, более счастливы, чем не религиозные. Религия — это также эффективная социальная организующая сила, которая помогает повысить уровень человеческого благосостояния посредством улучшения качества человеческих отношений (я имею в виду тут, конечно, повседневный контекст, а не случаи, когда религия призывает к убийству). Эта тенденция отражается в последних социологических исследованиях, и это то, о чем религиозные консерваторы, подобные Местру, заявляли веками¹.

— *Можно ли сказать, что Модерн обречен на вырождение в антимодерн, и в этом смысле предчувствия многих антимодернистских мыслителей начала XIX в. оказались частично оправданы. Де Местр оказался в чем-то прозорливее Токвиля?*

Я не думаю, что Модерн обречен на то, чтобы превратиться в антимодерн. Однако я думаю, что придет время, когда появятся люди, которые

отнесутся к антимодернистским размышлениям более взвешенно, когда, например, литературные критики не будут получать письма с оскорблениями в наказание за восхищение Местром, как это случилось с Соллерсом. Попытки отвергнуть или демонизировать — разве это не признаки слабости и отсутствия взвешенности? Если бы вы знали каким-то образом, что не воспринимаете реальность такой, какая она есть, но всё равно не делали бы ничего для того, чтобы изменить свое восприятие, вы стали бы проявлять агрессивность в отношении тех людей, которые думают иначе. Конечно, всегда можно специально знакомиться с мыслителями и писателями, которые думают по-другому для того, чтобы улучшить свое восприятие. В последние несколько десятилетий возник запрос на подобного рода здоровые попытки корректировать свое понимание реальности, и будем надеяться, что в дальнейшем это направление будет только расширяться.

Я бы не стала утверждать, что Местр был толковее Токвиля, или что Токвиль был толковее Местра. Но я могу сравнить их по определенным темам. Если речь идет о демократии, то здесь, конечно, нужно читать Токвиля. Если же вас интересует религия, то нужно признать, что в этом отношении Местр был более глубоким мыслителем. Более того, многое из того, что Токвиль говорит по поводу религии, кажется повторением заявлений Местра. Кстати, это может стать предметом отдельного исследования — прямое и косвенное влияние Местра на социологию религии Токвиля.

— *Де Местр надеялся, что Франция станет страной католического возрождения, однако этого, тем не менее, не произошло. Франция стала светской католической страной. Как сегодня изучается и воспринимается в целом творчество де Местра во Франции? Можно ли сказать, что он в большей степени почитается как писатель, чем как религиозный мыслитель?*

— Местра изучают во Франции уже в течение двух столетий, но с особенным рвением с 1970-х гг., когда в городе, в котором Местр родился и жил — в Шамбери, была создана Ассоциация друзей Жозефа и Ксавье де Местра. Эта группа исследователей поставила себе цель поместить работы Местра и его брата Ксавье в исторический и биографический контекст, чтобы понять, какое именно значение вкладывалось ими в ту или иную идею. Ассоциация издает «Журнал местровских исследований»: всего вышло пятнадцать номеров, последний — в 2013 г. Помимо исследователей, сотрудничавших с этим журналом, были также другие интеллектуальные группы, которые публиковали Местра: от католических философов и либеральных литературных

¹ Хотя сам Местр поддерживал крестовые походы и испанскую инквизицию.

критиков до эзотериков-масонов, социалистических симпатизантов и сторонников «Аксъон франсез».

В своих работах я писала, что в XIX в. либеральный литературный критик Сент-Бёв предпринял попытку прославить Местра как писателя и полностью дискредитировать его как мыслителя. Но даже если вас увлечет его литературный стиль, нельзя не признать, что его работы настолько пронизаны религиозным пафосом, что невозможно знать его как писателя и игнорировать в нем религиозного мыслителя. Эти два аспекта неотделимы, и я не знаю ни одного человека, который бы прочитал его и не совместил эти две характеристики.

— *Знаменитое эссе о де Местре Эмиля Мишеля Сиорана 1957 г.: можно ли сказать, что оно задало образ восприятия этого мыслителя в среде французских интеллектуалов — как консерватора per se, как человека, своим творчеством выявившего всю принципиальную ущербность религиозного консерватизма?*

— Сиоран сам был своего рода маргиналом, и поэтому он симпатизировал Местру, так как видел в нем тоже маргинала, причем такого, кто находится на самом краю допустимого. Он воспевал его с восхищением и обреченностью как человека, который не подходил ни под какие нормы. Он создал образ Местра как человека, который является одновременно утонченным и проклятым.

— *В какой мере вызывает интерес у современных исследователей страница жизни де Местра, связанная с его пребыванием в России, и его влияние на консервативный поворот в нашей стране?*

— Эта тема вызывает очень большой интерес. Четырнадцать лет, которые Местр провел в России, были наиболее плодотворными и продуктивными годами его жизни, так что каждый исследователь Местра, заинтересованный в понимании контекста его творчества, должен изучить специальную литературу про двор Александра I и российскую политику начала XIX в. Если вы пройдете по ссылке «Вторичные источники» (Secondary sources) на нашем сайте, посвященном Местру (www.josephdemaistre.org), то найдете дюжину работ со словами «Россия» в названии.

Что касается влияния Местра на российский консерватизм, то последней работой на эту тему стало мое эссе «Готовя Российскую революцию», которое рассказывает о том, какое влияние де Местр оказал на Сергея Уварова — будущего министра народного просвещения Николая I, и как это впоследствии парадоксальным образом привело к появлению класса обездоленных интеллектуалов, ставших костяком революции 1917 г.

Беседовала Юлия Нетесова